

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ОРЛОВСКИЙ КРАЙ

Отечественная война 1812 года оставила особый след в жизни Орловщины. Известие о вторжении Наполеона, по воспоминаниям многих современников, разбудило от сладкой полудремоты помещиков в своих имениях, купцов и чиновников. Неудачи первых месяцев войны, тревожные думы о судьбе Отечества... Ливенский уроженец, военный губернатор и главнокомандующий в Москве Фёдор Ростопчин ещё в начале июня, размышляя над дальнейшим ходом событий, писал императору Александру I: «Я не боюсь военной неудачи: Ваша империя имеет двух защитников – пространство и климат. Шестнадцать миллионов людей одной религии и одного языка – оплот России; кровь, пролитая солдатами, породит героев, и если несчастные обстоятельства ввиду победоносного врага заставят императора отступить, то он будет могуществен в Москве, страшен в Казани и непреоборим в Тобольске».

Так сложился ход военных действий, что Орловская губерния не видела вооружённого врага на своей земле, однако участвовала в мобилизации, в снабжении русской армии. Через Орёл проходили войска, здесь формировались части, стояла резервная артиллерия,

пополнялся «конский запас», отсюда в армию отправляли обозы с провиантом. С приближением французской армии к границам губернии она стала ближайшим тылом русской армии, здесь накапливались силы для контрнаступления.

По современным меркам, Орёл в то время был относительно небольшим городом. В 1811 году население, платившее деньги в счет земских повинностей, состояло из 1263 купцов и членов их семей, 5380 посадских, 82 дворян, 90 чиновников, 100 приказных, 502 экономических крестьян, 2115 однодворцев, живших в Орле и пригородных слободах, 329 торговцев съестными припасами при харчевнях и разночинцев, 6 содержателей вольных аптек с учениками, 891 дворового человека при господских домах. А всего 10 758 человек. Не вносивших деньги в счет земских повинностей было 498: 70 отставных солдат, 140 священно-церковнослужителей, 8 вольноотпущенных и 280 рядовых внутреннего гарнизонного полубатальона с чиновниками,

В казну в 1811 году с купеческих капиталов города поступило 47 400 рублей (в том числе пользу города – 7 900 рублей), с посадских – 26 900 рублей.

Дышит эмоциями того рокового времени бесхитростный рассказ старожилы Орла, участника событий Дмитрия Басова: «1812 год не только бедственный для города Орла, а для всей России. Когда слух до Орла дошел, что Наполеон вступил в Россию, взял город Красный и приступил к Смоленску, тогда жители города Орла погрузились в отчаяние. Торговля прекратилась. Всякий помышлял о спасении своем. Богатые люди затрепетали от страха и бедных привели в отчаяние. Разные и нелепые слухи поражали всякого жителя.

Тут вдруг начали вывозить из Брянска с казенного пушечного завода материалы, как-то: старые пленные пушки, мортиры, бомбы, ядра. Подвод каждый день тысяча переезжают в два-три порядка по Карачевской улице. Жители оцепенели от страха.

Тут начали привозить хлеб, но богатые его не покупают, а деньги берегут и помышляют о спасении своем, и некоторые начали имущество свое накладывать на возы, дабы в случае скорее выехать из Орла. А бедные люди начали торопиться, начали имущество продавать, да никто его не покупает. За сторублевую вещь не дают и десяти рублей.

Тут и из деревень навезли хлеба, тоже и деревенские убоялись, дабы у них хлеб не пропал. Что у кого есть, было свезено в город, но никто не покупает, кроме своего нужного пропитания.

Вот обозы мало-помалу из Брянска прекратились. Пошли башкирские полки. Более недели шли, день и ночь из Брянска. Такой страх напал на людей. Ходят по городу, как изумлённые. Это случилось в первых числах августа. В садах все поспели плоды. И растворили сады и дома, и все ходили и рвали, и ели по садам, как своё. Тут началось с другой, Кромской, дороги: пошла из Турции армия. Тут некоторых везли на подводах, а которые так шли. Шла армия более недели: тут-то шли донские казаки, шло донское поголовное ополчение. Были такие старики годов по шестьдесят.

Бедные, которые имели семейство и малолетних детей, те каждодневно ужас наводили на жителей. Плакали, как по умершим, ибо денег нет, идти из города нечем».

«Из воспоминаний детства в особенности памятен мне 1812 год, когда мне было семь лет», – писал в 1864 году русский историк академик Н. Г. Устрялов. Его отец Герасим

Трифонович был управляющим имением князя Ивана Куракина в селе Богородском Мало-архангельского уезда Орловской губернии. Устрялов рассказывал: «Живо представляю себе ужас народа при известии о вторжении Наполеона, тем более, по занятии Москвы; при том же на небе явилась огромная комета, наводившая всеобщий страх... Крестьяне приходили к отцу моему, спрашивали, что делать: оставаться ли в деревне или удаляться на юг, в степь. «Московские ведомости», приносимые нам с Большой почтовой дороги, верст за семь от Мокрецов, прекратились. Толки были так страшны, что по ночам я плакал навзрыд. Наконец появились донские казаки: с песнями, в красных мундирах, они проходили через деревню Поздеево, с юга на север, и появление их несколько успокоило умы».

Сын священника села Спасского Мценского уезда Н. И. Соколов вспоминал: «Конные и пешие часто останавливались в Спасском, и начальники всегда квартировали у моего отца. Отец угощал их чем только мог и от них узнавал новости войны. Он слышал о Барклае-де-Толли, Багратионе, Кутузове... Тогда вся деревня занята была печением сухарей из своего хлеба и на своих подводах отправляла их к войску. [Крестьяне] каждую неделю с плачем и причитаниями провожали своих родственников».

Орёл в 1812 году был куда более многолюдным, чем за всю свою предыдущую историю. Из Смоленской, Калужской и других губерний, из Москвы спешно переезжали помещики на жительство в Орловскую губернию. Тот же Н. И. Соколов отметил: «Сперва вступила в село стая собак в пятьдесят штук, борзых, с охотниками на лошадях. Потом прибыл барин Евграф Иванович Гринёв и брат его Александр Иванович Гринёв – из Вязьмы». Многие семейства из других краёв и весей, спасаясь от гибели, нашли в Орле и уездах временное, а для кого-то и постоянное пристанище...

В Орёл перебралась со Смоленщины семья будущего композитора Михаила Ивановича Глинки, которому в ту пору шел восьмой год. Через много лет Михаил Глинка вспоминал, как тревожным набатом гудели колокола орловских храмов и он «отличал трезвон каждой церкви и усердно подражал ему на медных тазах».

Бежала из Москвы от французов и семья ба-

бушки Николая Лескова – Алферьевы. В имении Киреевская Слобода под Орлом поселился калужский предводитель дворянства Василий Иванович Киреевский, «человек умный и замечательно образованный», отец известных ученых-славянофилов Ивана и Петра Киреевских. Василий Иванович владел пятью языками, занимался литературной деятельностью и увлекался естественными науками – химией и медициной.

В то трудное время он по собственному почину, «совершенно самовластно», взял попечение над Орловской губернской больницей. Здесь Киреевский нашёл страшный беспорядок: заразные больные не были изолированы; в больницу привозили также и раненых из армии, которые лежали вповалку на полу на полусгнившей соломе. В палатах было грязно, воздух – спёртый. Видя это, Киреевский «распушил всех служащих», приказал навести порядок и распорядился из своего имения доставить свежую солому. Все предписания медиков отныне проходили через контроль Василия Ивановича, порой он сам прописывал лекарства. С тех пор в больнице каждое утро его встречали как начальника и ожидали приказаний (к несчастью, война есть война — вскоре Василий Иванович заразился в больнице тифом и умер).

В 1812 году в губернии прошло три рекрутских набора – в армию ушло более 11 тысяч человек. В помещении Орловского магистрата, расположившегося в здании Городской думы, проходил «осмотр и приём ратников в ополчение». Жители города всех сословий приносили сюда жертвования на ополчение деньгами, оружием, одеждой и съестными припасами. «Мещане поставили в ополчение сто сорок пять человек», – писал краевед Д. С. Добрынин в историческом очерке, напечатанном в «Орловских губернских новостях» в 1860 году. Орловское духовенство пожертвовало на армию более 27 660 рублей ассигнациями, более пяти фунтов серебра и двух фунтов золота. Купцы отдали на формирование ополчения 67 547 рублей.

В ополченцы хотел записаться и великий русский поэт Василий Жуковский, который ещё в 1811 году поселился в сельце Муратово Волховского уезда (ныне Урицкого района). В начале августа Жуковский уехал из Орла в Москву, где вступил поручиком в 1-й пехот-

ный полк ополчения. Ему предстояло участвовать в генеральном сражении с французами на Бородинском поле. Обращаясь к Жуковскому, поэт Константин Батюшков писал: «Ты на поле Бородинском за родину подставил одну из лучших голов на севере и доброе, прекрасное сердце. Слава Богу! Пули мимо пролетели...»

Много лет спустя Жуковский вспоминал: «Две армии стали на этих полях одна перед другой: в одной Наполеон и все народы Европы, в другой – одна Россия. Накануне сражения все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрелы, которых беспрестанный звук можно было сравнить со стуком топоров, рубящих в лесу деревья... Армия заснула вся с мыслью, что на другой день быть великому бою».

Немалый вклад в исход сражения внесли и земляки-орловцы — начальник штаба Главной армии генерал-майор Алексей Петрович Ермолов, командир кавалерийского корпуса генерал-майор Фёдор Карлович Корф и генерал-лейтенант Николай Иванович Лавров (двоюродный дед И. С. Тургенева) – он руководил действиями гвардейской пехотной дивизии.

Во главе батальона Уфимского полка Ермолов бросился в контратаку и выбил неприятеля с господствующей над местностью Курганной высоты. Генерал Н. Н. Муравьев-Карский утверждал: «Сим подвигом Ермолов спас Русскую армию».

В Бородинском сражении Фёдор Корф командовал 2-м резервным кавалерийским корпусом. Именно воины Корфа пришли на помощь Ермолову, когда шёл жестокий бой за Курганную высоту. «Подоспевшая на сей случай кавалерия под командой Корфа, – сообщал М. И. Кутузов, – много способствовала к отбитию оной...» За умелое командование Корф был удостоен звания генерал-лейтенанта.

Прославился в Бородинской битве 36-й Орловский пехотный полк – его солдаты и офицеры геройски проявили себя и в последующих сражениях при Малоярославце, под Вязьмой и Красным.

Подпоручик артиллерии Николай Распопов, получивший тяжёлое ранение в Смоленском сражении, был отправлен в Орёл на лечение. Он вспоминал: «25 сентября прибыл в Орёл. Я был первый раненый, прибывший в этот город. Народ толпился около моей коляски – все про-

ходившие и проезжавшие обращали на меня внимание. Родитель славного генерала Ермолова, мимо дома которого я проезжал, немедленно распорядился об отводе мне квартиры неподалеку от своего дома. Не успели меня ввести в комнату и положить на приготовленную постель, как сей почтенный муж, не взирая на свои лета, посетил меня... Через час принесли мне вкусный обед и бутылку рейнвейну. Скоро явился ко мне и молодой хирург, немец...»

По приказу главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова в Орле был создан Главный временный госпиталь для больных и раненых воинов. Под него были отданы казенные казармы, офицерский корпус, вице-губернаторский дом, здание Орловской мужской гимназии и 21 частный дом. Дворянами Плещеевыми был предоставлен для раненых дом. Сёстры Протасовы писали тогда: «30 будут стоять у Плещеевых в доме, и мы готовим для них корпию и бандажи... Эти несчастные гораздо жальче, чем изобразить можно. Они терпят всякую нужду, и даже надежды мало, чтоб им было хорошо когда-нибудь... И всё это терпят они за нас». А всего Плещеевы отдали раненым 17 комнат, где разместились 100 воинов...

Активное участие в устройстве госпиталя принимал Василий Жуковский, командированный в Орёл из штаба главнокомандующего М. И. Кутузова. К 11 ноября в городе находилось уже более 2300 больных и раненых солдат и офицеров. На содержание Главного временного госпиталя в Орле было выделено 10 тысяч рублей из государственных средств, от купцов и мещан города поступило 22 119 рублей 16 копеек. В Орле существовал также и госпиталь для больных французских пленников, находившийся в бывшем лазарете для воинских команд.

Военная обстановка была взрывоопасной: конные разведчики французов подбирались порой к самой границе Орловской губернии. Осенью 1812 года командир внутренней стражи империи Евграф Комаровский исколесил едва ли не пол-России, готовя резервы для армии Кутузова. Не раз дорога приводила его в Орёл, неподалеку от которого располагалось имение Комаровских. Генерал приехал в штаб 4-го округа внутренней стражи к командующему округом генерал-майору Христофору Дистерло. Комаровский предложил:

– Я знаю, что в лесном краю множество отменных охотников. Отдайте им ружья, которые без дела лежат на складах в Орловском гарнизоне. Если в команде будут надежные обер-офицеры, они быстро обучат отряд – чем не подкрепление?

Дистерло внимательно посмотрел на Комаровского:

– А вы представляете, граф, что значит вооружить сотни мужиков и свести их в один отряд? Бонапарт опасен, да не случился бы второй Пугачёв...

– Об этом не беспокойтесь, ответственность я возьму на себя и сегодня же доложу управляющему военными министерствами...

Высшим командованием орловскому губернатору было предписано разместить по городам вверенной ему губернии военнопленных французов, направленных из Смоленска «под конвоем капитана Глинки» (272 человека), и выделить на их содержание «порционные деньги»: офицерам – по рублю, рядовым – по 10 копеек. 23 сентября в Орле состоялось шествие пленных французов – более тысячи вчерашних вояк прошли перед губернаторским домом, перед горожанами, причём иных больных и раненых захватчиков везли на телегах. Были здесь и три известных генерала – Ферье, Мену и раненный штыками в Бородинском сражении Бонами (его захватили солдаты А. П. Ермолова). Позднее по распоряжению герцога Александра Вюртембергского в Орёл было прислано 1200 пленных французов из Данцига. Их содержание возлагалось на население города. Ежедневно требовалось 1787 фунтов хлеба, 148 фунтов круп, 595 фунтов мяса, 595 чарок вина, 39 фунтов соли, 700 фунтов сена, 210 фунтов овса.

Из пленных, пожелавших перейти на русскую службу, в Орле формировали особые подразделения. Французов, итальянцев и голландцев, перешедших «под русские знамена», экипировали синим мундиром «обыкновенного покроя из рекрутского сукна». К 17 августа 1813 года в городе были сформированы три роты пленных «из девяти офицеров, 292 рядовых, музыкантов и нестроевых», которых должны были отправить в резервную армию. Из Вильно в Орел ожидали прибытия еще трех тысяч пленных «для формирования из них иностранных легионов», однако оно не состоялось.

Многие годы спустя историк Тимофей Гра-

новский вспоминал о той поре: «В Орёл привезено было много пленных французов, большей частью раненых в самом жалком состоянии. Одна бедная орловская мещанка, повивальная бабка, увидев этих несчастных, испросила позволение взять некоторых себе в дом и, выбрав пять человек, больше всех нуждавшихся в помощи, принялась ходить за ними и снабжать их всем необходимым. Истратив все, до последнего рубля, она стала обходить город нищей и полученными подавниями продолжала их содержать. Когда их с другими пленными отправили дальше, она разбила всю посуду, которой они пользовались».

В конце сентября 1812 года Василий Жуковский в болховском селе Большая Чернь познакомил своих друзей с набросками патриотической поэмы «Певец во стане русских воинов».

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавый
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...

Стихи Жуковского получили горячее одобрение. Его поэме суждено было стать своего рода гимном во славу Отечества и русского оружия. Эффект, произведенный ею на русское общество, точно передал служивший офицером в 1812 году в Орле историк и поэт Николай Коншин: «Эта поэма, по моему мнению, достойная Георгия 1-й степени, делала со мной лихорадку...». А писатель Сергей Глинка восклицал о поэме Жуковского: «С пламенной душою поспешил он к развевающимся знамёнам русским... Он видел сподвижников новой, небывалой дотоле войны на лице земли. Он вник в душу каждого из них и в песнях своих передал им блеск их доблестей». Поэма «Певец во стане русских воинов» стал лучшим литературным памятником героической эпохи.

Торжества по случаю победы над неприятелем справляли не только в Орле, но и по всей губернии. Сенатор Иван Владимирович

Лопухин в мае 1814 года созвал в свое имение – село Воскресенское (Ретяжи) Кромского уезда соседей-помещиков «на похороны Бонапартовы». В полученных ими пригласительных билетах значилось: «...сего дня, мая 6, в селе Воскресенском... по силе помочи деревенской погребается в прах свой слава Бонапартова. Хозяева просят сделать им и себе честь и удовольствие пожаловать порадоваться на могилу».

Гости пришли к своеобразным памятникам, расположенным на берегу пруда в Ретяхах. Под деревом лежали «два больших камня диких», на одном из них была выбита надпись: «19 марта 1814 года взят Париж», на другом, необделанном, положенном «как бы на могиле»: «И память вражия погibe с шумом». Далее дорожка вела к гранитному монументу с надписью: «Благочестию Александра I и Славе доблестей Русских в 1812 году».

Юным орловцам Тимофею Грановскому, Ивану Тургеневу и многим-многим другим их ровесникам предстояло расти и мужать в отблесках победоносных знамён Отечественной войны 1812 года. С молодых лет они слышали воспоминания участников былых сражений, чтити имена таких знаменитых земляков, как Алексей Ермолов, Денис Давыдов, знали о подвигах Орловского полка в той войне.

Отечественная война 1812 года стала главным событием эпохи, которое определило весь последующий строй русской жизни как в столицах, так и в провинции. Василию Жуковскому принадлежат исполненные глубокой веры в русский народ слова: «1812 год был для нас важен не одними победами: он открыл нам в самих нас такие силы, которые, может быть, прежде мы не подозревали. Всего важнее для народа уважение к самому себе, теперь мы приобрели его. Мы видим Россию на такой степени величия, на какой она ещё никогда не стояла».

По итогам 2010 года премия журнала «Наш современник» имени А. Г. Кузьмина в номинации «Молодые историки и публицисты» присуждена Алексею Кондратенко. Редакционный совет альманаха «Орёл литературный» поздравляет автора с творческой наградой, желает новых ярких публикаций и новых книг!